

УЛЬЯНА ГРИНЬ



Три жениха для
ПОПАДАНКИ

16+

Ульяна Гринь

Три жениха для попаданки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67428584

SelfPub; 2022

Аннотация

Уснула свободным человеком в своей постели, а проснулась в дремучем патриархальном мире, где живёт по своим законам магия, а женщиной владеют, как вещью. Меня можно продать, подарить или даже убить, и никому за это ничего не будет, максимум штраф. Однако же мне повезло: магические искры заклеямили меня меткой избранных, и я еду на смотрины невест для троих принцев. Три жениха? А зачем мне столько? Благословенная сковородка избавит от лишних. Но надо ещё выжить после этого!

Содержание

| | |
|-------------------------------------|----|
| Глава 1. В чёрном-пречёрном лесу... | 4 |
| Глава 2. Кто хозяин? | 17 |
| Глава 3. Первое испытание | 31 |
| Глава 4. Игра в прятки | 48 |
| Глава 5. И бог создал сковородку! | 62 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 71 |

Ульяна Гринь

Три жениха для попаданки

Глава 1. В чёрном- пречёрном лесу...

– Ау? – нерешительно спросила я, вглядываясь в крошечную темноту. Чёрт, даже луна не светит! О, у меня же есть мобильник, сейчас включу лампочку и буду освещать себе путь.

Хотя бы посмотрю, где я.

Впрочем, тут не нужен свет, чтобы понять – я в лесу. Вокруг меня сплошные деревья, судя по шелесту листьев – не сосны и не ёлки. Ноги утопают в траве и мху, а остальному телу прохладно. Холодно даже. Что на мне надето? Мамочки, я же спать ложилась в свой постели, в пижамке, а проснулась в лесу...

Почему?

Мобильник нашёлся в сумке, я включила его и обалдела сама с собой. Откуда у меня сумка с мобильником? Я же спать ложилась!

А может, я сплю?

Свет из лампочки телефона выхватил из тьмы кусты, а за

ними стволы деревьев, а потом... мрак. Походу всё плохо, а батарейка на последнем издыхании. Говорила мне мама, заряжай телефон, прежде чем в кровать плюхаться.

Так.

Надо, наверное, что-то делать. Куда-то идти. Или покричать?

– Ау-у-у! Люди-и-и!

Крикнула и сама перепугалась до смерти. Аж присела. А если сейчас медведя наору? Или волка какого-нибудь? Впрочем, я не могла очутиться слишком далеко в лесу, а в Подмосковье медведи не водятся, да и волков вроде тоже нет... Зато наверняка есть нехорошие люди, а хороших почти не бывает – уж по ночам точно. Надо как-то определиться, в какой стороне север, а в какой юг. Я подошла поближе к дереву и осветила его со всех сторон, чтобы найти мох на стволе. Бог знает откуда я это знала, но мох растёт с севера...

Блин, зачем мне стороны света, если я даже не знаю, где я!

Допустим, север там. Что мне это даёт? Если на севере ничего нет, а город на юге? Приехали. Кажется, сейчас у меня начнётся истерика... Нет, нет, только не это!

Дорога! Надо найти дорогу! В Подмосковье нет такого места, в котором не наткнуться на дорогу каждый километр! Я замерла и прислушалась. Ветер шумит в кронах... Что-то шуршит в кустах, очень сильно надеюсь, что не волк... Где-то ухает сова... И дальний крик птицы или зверька... Ничего больше. Никаких привычных шумов, ни одного завалиющего

мотора машины! Это невозможно!

Я покрутилась на месте, пытаюсь уловить хоть малейший знакомый звук, но ничего. Ничегошеньки... Это полный трюндец! Где я очутилась, а главное – как? Как мне отсюда выбраться? Я оперлась рукой о дерево, пытаюсь успокоиться, уговаривая себя не истерить и не бежать сломя голову куда попало. Так, дышим, дышим... Боже, я сдохну в этом лесу!

В попытках вспомнить, что было перед пробуждением, я пошла наугад. То есть, туда, куда смотрели глаза. Впрочем, смотреть они смотрели, но ничего не видели. Хоть бы луна показалась, что ли... Три раза споткнулась, три раза чуть не навернулась, один раз почти врезалась лбом в ствол дерева. А потом мне повезло.

Слабый ветерок, шевеливший кроны, разогнал облака, и величественный серебристый диск показался в просветах между листьев. Сначала краешек, потом половина и, наконец, целая луна выползла на небо глянуть, что тут происходит. Слава тебе господи! Хоть путь станет видно! Только бы снова не затянуло небо...

Я прошла несколько шагов и попала на небольшую прогалину. Лужайка, окружённая кустами и деревьями, была залита лунным светом, и мне захотелось постоять в нём, чисто чтобы убежать из тьмы. Что я и сделала. А потом застыла, как статуя, потому что увидела бурого волка.

Он был огромен.

Конечно, я никогда не видела волка ближе, чем за решёт-

кой в зоопарке, ну ещё на видео, где эти зверюги лапятся к вырастившей их женщине. Опять же, волкособы... Ну, есть большие, есть маленькие... А этот – просто гигант! Как оборотень Джейкоб в Сумерках. Я стояла и смотрела на зверя, а он стоял и смотрел на меня с раскрытой пастью, с которой капала слюна.

Мама дорогая, может, он бешеный?

Волк поднял морду к луне и испустил самый прекрасный и самый страшный вой, который, наверное, когда-нибудь слышал человек. Всё. Мне конец. Меня съедят.

Но тело моё среагировало быстрее мозга, и я очнулась уже когда бросилась назад в лес, не разбирая дороги. Наверное, я ещё и орала, но в памяти это не удержалось. А сзади с топотом и пыхтением меня догонял дикий злобный зверь, жалящий пополнить мною свой рацион...

Сейчас он меня настигнет...

Сейчас...

Вот-вот...

С громким воплем я свалилась на траву и замерла. Ногу пронзила боль – видно, подвернула, но я заткнулась. Надо притвориться мёртвой, волки падаль не едят. Или едят?

Шелест травы под толстыми лапами.

Жаркое дыхание от зловонной пасти.

Волк втянул носом воздух – тревожно и нервно, а потом подошёл ближе. Сердце стучало набат, и я испугалась, что зверь услышит его. Пальцы вцепились в траву. Ожидание

убивало. Я уже готова была вскочить и орать, как ненормальная, только бы не ждать смерти, но в этот момент почувствовала шершавый горячий язык на своей щеке. А в следующий миг услышала мужские голоса, перекликающиеся вдалеке.

Негромкое, но злое рычание – и вихрик всколыхнувшегося воздуха оповестил, что волк убежал. Я осторожно открыла глаза, приподнялась на локте – его и правда не было. А голоса приближались! Ура! Меня спасут и даже доставят домой! Наверняка, это поисковая группа!

Вы видели мемы в интернете «ожидание vs реальность»? Когда я закричала: «Я здесь! На помощь!», то ожидала увидеть парней в оранжевых куртках и светоотражающих жилетах, а увидела группу мужиков бомжеватого вида, вооружённых саблями и ножами. В руках у них были зажжённые факелы, и именно они меня насторожили. Против волка было бы достаточно и фонарика... Реконструкторы, что ли? Эти... Малахольные, что бегают по лесам в любую погоду и бьются друг с другом самодельными мечами? Ну да ладно, хоть такая помощь, чем никакой вообще!

Они приблизились, сгрудились вокруг меня, перешёптываясь и подталкивая один другого локтем. Я нахмурилась. Что, влом помочь встать? Наконец, один из них протянул руку, и я хотела радостно уцепиться за неё, но мужчина схватил меня за волосы и резко потянул вверх. От моего вопля все радостно заржали, держась за животики, а я принялась вырываться, схватив мужика за запястье:

– Эй, ты что, охренел?! Пусти!

– Какая миленькая шлюшка гуляет одна в лесу! – ухмыльнулся он. – Как это Лериданский зверь тебя не сожрал?

– Для неё зверь был бы лучшим выходом, – хмыкнул толстячок с бородкой шкипера.

– Хочешь попробовать её? – спросил тот, что держал меня мёртвой хваткой.

Что значит попробовать? С какого перепоя они меня зовут шлюшкой? Это точно не спасатели... Мамочки, да меня сейчас изнасилуют, и можно орать сколько угодно, прибьют и под деревом закопают... Да даже закапывать не надо: волк вернётся и сожрёт, что осталось...

Я снова дёрнулась и заскулила:

– Ребята, не надо! Пожалуйста!

– Не надо – что? – с усмешкой мужик намотал мои волосы на руку, так что стало больно затылку. – Ты же беглая шлюшка, тебя надо вернуть хозяину! Но никто не запрещает использовать тебя перед этим!

– Не надо меня... использовать, – процедила сквозь зубы, пытаясь оттолкнуть его, но резкая боль от встряски за волосы принудила меня уступить. Мужик приблизил лицо к моему и протянул:

– Таких, как ты, только и нужно использовать, потаскушка!

И впился ртом в мои губы, кусая их и раздвигая языком. А я со всей дури сомкнула зубы на этом кусочке плоти, хоть

и было противно до невозможности.

– Шука! – зашипел он не хуже напуганного кота, отбросив меня в кучу парней. – Она мне язык откусила!

– Не откусила, – фыркнул другой мужик. – Иначе бы ты говорить не смог!

– А жаль! – захохотал толстячок, крепко хватая меня за руки. – Её надо в полицейское управление отвезти, а не пользоваться в лесу!

– Отпустите меня, а? – почти безо всякой надежды попросила я его, но меня снова встряхнули и строго ответили:

– А ну не балуй! Всех праздношатающихся девиц предписано сдавать в полицейское управление!

– Ребята... Не надо меня в полицию! Вы меня до города подкиньте, а там я уже сама как-нибудь... – последняя попытка тоже закончилась неудачей. Со смешками меня потащили обратно в лес, чуть ли не волоча по траве. Мама! Что будет! Ну пусть в полицию, я оттуда быстро домой попаду, там, небось, нормальные люди работают, не то что это придурки!

Но впереди меня ждало новое потрясение.

И такое... Крутое.

Я думала, что меня запихнут в машину, в какую-нибудь Ниву или что там ещё в почёте у сумасшедших реконструкторов, но нет. Выдерживать легенду – так до конца. Они пользовались лошадьми! Лошадьми, Карл! При том, что эти животные были косматыми, как плохо стриженные пудели,

и вонючими, как кавказские овчарки. Я прямо физически ощутила, как их шерсть забивает мне нос, и завопила, упираясь обоими ногами в рыхлую влажную землю:

– Нет! У меня аллергия! Я не могу! Я умру!

– Марш! – тычок в спину, меня схватили двое и забросили на лошадь, но поперёк седла, как трофей. А вот этого я им точно не прощу! Заигрались ребятки! Вот только доберусь до полиции и напишу на них заявление!

Ткнувшись носом в терпко пахнущую шерсть, я стиснула зубы, призывая все кары мира на головы этих «спасителей», и приготовилась терпеть. Надеюсь, до города недалеко...

С этой надеждой я, конечно, поторопилась.

Ровно до «спасателей» и лошадок можно было предположить, что мне снится сон. Пусть странный и пугающий, но сон. В какой-то момент придётся проснуться, и всё будет хорошо. Но уже сейчас в мою бедную голову начали закрадываться сомнения. Потому что город, в который меня привезли, был больше похож на декорации к фильму в жанре фэнтези. Вертя головой по сторонам, я разглядывала каменные дома с остроугольными крышами и вычурными эркерами, со ставнями на окнах, с маленькими балкончиками. Церковь с колокольной была серой и унылой, а мостовая, по которой лошади цокали подковами – старой и выщербленной. Домики кое-где покрывала зелёная поросль винограда, казавшаяся живой. Посреди площади, которую я разглядела мельком, журчал жизнерадостный фонтан: вода лилась из кувшина ка-

менной женщины, устало склонившей голову.

А за фонтаном оказался простенький дом, сложенный из больших тёмных камней, кое-где поросших мхом. Именно возле него мы и остановились. Мой нос снова ткнулся в шкуру лошади, всадник спешил и «спешил» меня, поставив на ноги лицом к двери. Язык заплетался от долгого висения вниз головой, когда я спросила:

– Это полиция?

– Полицейский участок, – ответил толстяк и подтолкнул меня к крыльцу: – Давай, шагай! Мне ещё обратно возвращаться.

– А вы кто? – догадалась спросить я.

– Патруль, – солидно ответил тот. – Ищем Лериданского зверя, чтобы убить его!

Он поднял руку и заколотил кулаком в дверь, которая ходуном заходила от такого с ней обращения.

– Волка, что ли? – ляпнула. – А я его видела.

Толстяк вытаращил на меня глаза и завис на пару секунд, а потом хмыкнул:

– Шутница! Те, кто видел Лериданского зверя, уже мертвы!

Я хотела ответить, что вполне себе ещё жива, но засомневалась. И тут заскрежетал засов двери, она скрипнула и открылась вовнутрь.

– Чё надо? – гаркнули оттуда.

– Беглую привёл, принимай!

Из дома высунулась рука в форменном рукаве с потрёпанными галунами, схватила меня за пижамный рукав и втянула в тёмный коридор, освещённый лишь старинной масляной лампой. Там пахло сыростью, плесенью и жирным супом. Меня чуть было не стошнило, но полицейский – если можно было его так назвать – не дал на это времени, потащил куда-то по коридору, а потом вниз по лестнице. Я запротестовала:

– Подождите, мне надо вернуться домой! Куда я попала?

– Вернут, не беспокойся! – прокряхтел он, вталкивая меня в ещё один коридор, где по обе стороны были толстые решётки с дверями, запертыми на огромный висячий замок. Полицейский достал связку ключей на огромном кольце и отпер замок, а потом втокнул меня в камеру.

Я даже пикнуть не успела, как дверь заперли, а шаркающие шаги стихли в толще коридорных стен.

Да что ж такое!

Бросившись на решётку, я затрясла толстые прутья и закричала изо всех сил:

– Вернитесь! Выпустите меня! Я ни в чём не виновата!

– Раз в участке, значит, виновата, – раздался сзади клеочущий смех. У меня внутри всё обмерло от ужаса, даже волосы вздыбились на затылке. Обернувшись рывком, я увидела сидящих на охапке сена в углу женщин. Как будто цыганки или бомжихи, они сгрудились там в кучку и сидели, скаля то, что осталось от зубов. В улыбках. Но мне, если

честно, показалось, что они сейчас поползут ко мне, загоняя, и сожрут...

Ни жива ни мертва, я стояла, прижавшись спиной к решётке и наблюдая, как одна из женщин встаёт, опершись рукой на плечо соседки, идёт ко мне, прихрамывая. Я была готова защищаться. Буду бить её, куда попало, но за просто так не дамся!

– Ну, чего стоишь? Садись, скажи, откуда такая взялась, – предложила тётка, махнув мне рукой. Какие чёрные ногти... Точно бомжиха.

– Я... это... заблудилась в лесу, – ответила осторожно.

– Немудрено! – захихикала женщина из угла. – Готовиться надо, а то бегут такие как ни попадя...

– Ничего не понимаю, – пробормотала я, сползая по решётке на пол. Ноги ослабли и не держали. В голове вертелась мысль – моя сумка с мобильником осталась у бандитского патруля... А там паспорт. С ним можно доказать, что я не верблюд. Но кому? Меня заперли! В тюрьму посадили без суда и следствия!

Что делают люди, чтобы убедиться, что не спят?

Правильно.

Я ущипнула себя за руку. Сначала несмело, а потом со всей силы. И ойкнула. Больно! Значит, не сон.

Здравствуй, дедушка Мороз! Я попала. Вот только куда? В прошлое? Или в какой-то особо недружелюбный средневековый параллельный мир? А, да, можно ещё вопрос? Как

всё это случилось?

– Ты давай, садись рядышком, ещё ночь коротать, – бомжиха, которая вполне могла оказаться почтенной матерью семейства бедняков, подобралась поближе и цапнула подол моей пижамной рубашки. – Ух, мяконькая какая! Это где такие платья шьют?

Выдернув пижамку из цепкой руки, я с достоинством заявила:

– Штучный экземпляр!

– Чаво-о-о?

– Говорю, таких больше нет.

И вдохнула. Тут уж точно нет. Тут вон... Платья, как тряпки, семь слоёв, как капуста! Нет, преувеличиваю, конечно, но ненамного. Запах этот ещё... Кислый запах немытого тела. Боже, почему я не попала куда-нибудь в просвещённое будущее? Кто там занимается распределением попаданок, мог бы и получше мирок выбрать!

Эти мысли плутали в моей голове уныло и грустно, пока я сидела, подгребая под себя солому, чтобы было мягче. К тёткам не пошла. Ну нафиг, ещё нахватаюсь всякого... Вшей у меня с первого класса не было, а тут, наверное, кишмя кишат. О, идея! Может, если я усну, то попаду обратно домой?

– А когда нас выпустят? – спросила я у соседки по камере, уползшей в свой угол. Та хмыкнула:

– И не надейся! Вернут хозяину – это да, вот утречком придёт старший дознаватель...

– Какому ещё хозяину?

– Твоему, какому ж ещё?

– Нет у меня хозяина, – проворчала. Что за дуры! Ладно, буду ждать этого старшего дознавателя и надеяться, что он поумнее остальных.

Глава 2. Кто хозяин?

Остаток ночи я провела в полудрёме. Тело отказывалось спать и оставалось начеку, даже если голова желала отключиться. Рассвет заглянул в высокое зарешёченное окошко, когда я резко проснулась с мыслью: «А как же мама?»

И вот тут меня пробрала дрожь – противная, холодная и липкая. Я представила мамусю, которая осталась совсем одна и даже не знает, куда исчезла её дочка. Побежит в милицию, наверное, будет плакать... Бедная моя мамусечка! Вернись ли я когда-нибудь? Увижу ли её ещё раз?

Я и сама расплакалась, всхлипывая тихонечко и размазывая сопли со слезами по щекам. В груди всё сжалось, как будто чей-то кулак схватил сердце. Мне стало жалко маму, да и себя заодно. Какой-то странный этот мир, странный и такой страшный! Как я тут буду? Как выпутаюсь? Хозяин вон какой-то нужен... Что ли рабовладельческий строй тут, или феодализм?

С рассветом ожили спавшие тётки, ожила площадь за толстыми стенами. Птички зачирикали, где-то захрюкала свинья, заголосили скрипом колёса телег. И над головой заходили, застучали набойками сапог по деревянному настилу. Вчерашняя тётка вздохнула, складывая указательные пальцы вместе домиком и бормоча:

– Двудикая Богиня, даруй нам здоровья и радости новым

днём... Ну чо, товарки мои, заберут сегодня нас или как?

– Ух заберут! – зевнула вторая и крестик пальцем нарисовала у рта. – Ещё и вслед надают!

Тяжёлые шаги по лестнице заставили всех пленниц встретиться, а я резво вскочила на ноги. Вчерашний полицейский с усталым лицом обвёл нас глазами, в белках которых змеились красные прожилки, и отпер решётку:

– Ты! На выход!

– Я?

Растерявшись, я вжалась в стенку, а он махнул рукой:

– Ты, не я же и не курицы эти! Давай, шевели булками!

– Можно и повежливее, – пробормотала, пытаюсь взять себя в руки и послушаться. Надо держать ухо востро. Неизвестно, что ждёт меня в следующую минуту...

Меня отвели наверх, по коридору, но не вчерашнему, а вглубь здания, мимо дверей. А потом втолкнули в кабинет.

Смотрели фильмы про СССР? Видели в них такие громадные помещения, где дубовый стол со столешницей из кожи, зелёная лампа, а на полу длинная ковровая дорожка, по которой, пока идёшь, умереть со страху можно? Ну вот, тут я увидела нечто подобное. Правда, лампа оказалась погашенной свечой, а стол покрывало серое сукно. За столом сидел компактный мужчина, напоминающий мопса – такой же маленький, квадратный, обрюзгший, с обвислыми щеками. Лысина с остатками волос по бокам таинственно поблёскивала в свете дня из высокого окна без занавески.

Я прошла по дощатому полу примерно к центру кабинета и остановилась, не зная, что делать дальше. Мужчина что-то писал скрипучим гусиным пером по грязно-желтоватому листу бумаги, не глядя на меня. Словно вообще не заметил. Хм. Может, и не заметил.

Я кашлянула, приблизившись ещё на пару шагов:

– Здравствуйте! Хотелось бы разобраться в ситуации...

Он только вскинул руку, молча велел мне подождать. Ну ладно. Спешить мне вроде как некуда пока... Я подошла к стулу для посетителей, стоявшему у стола, и села, отодвинув. А вот тут уже мужчина вскинул на меня удивлённый взгляд. Будто не поверил своим глазам. Я же не нашла ничего лучше, чем мило улыбнуться. Улыбка вообще лучшая защита. Однако не в моём случае.

Мужчина обескураженно хмыкнул и махнул рукой:

– Ты что, совсем ума лишилась? Встать немедленно! Кто разрешил тебе садиться?

Чего? Я нахмурилась:

– Никто.

– Встать! – рявкнул он и добавил ворчливо, когда я вскочила от неожиданности: – Совсем распустил кто-то свою девушку... Имя.

Я сразу и не поняла, что он обращается ко мне с вопросом, а потом спохватилась:

– Ксения Лайн.

Мужчина заскрипел кончиком пера по бумаге, записывая.

Снова спросил:

– Чья?

– Ничья, – совершенно честно ответила я. Прикольно! Может, у нас будет игра в ассоциации? Чья – ничья, кто – конь в пальто!

– Не придуривайся! Отвечай на вопрос. Кому ты принадлежишь?

– Я никому не принадлежу, уважаемый, – с достоинством ответила я.

– Женщина, не дерзи! – снова вскинул голову дознаватель. – Мы всё равно найдём твоего хозяина и тебе придётся вернуться к нему.

– Я вам объясняю, что никакого хозяина у меня нет! – сказала я громче. – Я вообще не отсюда! Я свободный человек!

Он хрипло рассмеялся и покачал головой, будто я удачно пошутила, но быстро принял серьёзный вид. Сказал:

– Ладно, раз не хочешь говорить, придётся искать по базе. Вытянула руки вперёд!

– Вы не понимаете, – попыталась ещё раз объяснить. – Я вообще не отсюда! Я из другого мира... наверное!

– Ревз! У нас строптивая! – рывкнул куда-то в сторону дознаватель. Тут же из двери справа выскочил молодой полицейский в форме. У него торчали уши, придавая ему вид пугала в фуражке, а глаза смотрели на меня решительно и целеустремлённо. В руках у парня была большая коробка, обтянутая тканью, как старинный проигрыватель. Шагнул

ко мне, Ревз откинул крышку коробки, и я зажмурилась от неожиданного яркого сияния. Будто ящик Пандоры открыли...

Впрочем, я тут же открыла глаза и увидела, как радужный свет обволакивает моё тело. А оно становится безвольным. Я дёрнулась было назад, но мышцы не послушались. И крикнуть не вышло. Из меня сделали куклу. Даже мысли будто замедлились и текли равнодушно. В другое время я бы посмеялась над безэмоциональными мыслями по типу: «За кого он меня принимает. Я не предмет. Я никому не принадлежу», но теперь вяло запаниковала. Что они со мной творят?

– Итак, Ксения Лайн, я жду от тебя имя твоего хозяина, – спокойно повторил дознаватель.

Я ответила бесцветным голосом:

– У меня нет хозяина.

– Ты прекрасно знаешь, что у каждой гражданки женского пола есть хозяин или опекун, если она знатного происхождения. Я понимаю, ты не крестьянка, поэтому кто твой опекун?

– Нету.

– Муж? Отец, брат?

– У меня нет мужа. Мой отец умер три года назад. У меня нет брата, только сестра.

Сухие факты, хотя в нормальном состоянии я бы разревелась при мысли о сестре. Она старшая, конечно, она в универе учится, парень у неё уже второй год, скоро поженятся. А я даже на свадьбу не попаду! И не увижу племянников! Ка-

ринке придётся всё время быть с мамой... Что они подумают обо мне? Будут искать? А может, я там умерла, в моём мире?

Вот тут мне очень захотелось поплакать, но чёртово сияние, странное и непонятное, не позволило. Что это? Магия, что ли? Так они тут могут вообще всё что угодно сделать со мной! А я даже ответить не сумею!

Господи, вот же не повезло!

Зато теперь совершенно ясно, что это не прошлое. Это какой-то параллельный мир, в котором дремучий патриархат и магическое сияние...

– Кому принадлежит твоя мать?

– Никому, – абсолютно честно ответила я.

– Что же, раз ты не хочешь сотрудничать с полицией, придётся объявить тебя собственностью короля и продать... Куда мы её продадим, Ревз?

– В заведение госпожи Агнеты? – на полном серьёзе подсказал младший полицейский, а я выдавила, преодолевая сопротивление сияния:

– Вы не имеете права!

– Мы имеем все права, девка! – фыркнул дознаватель. – Бесхозные женщины – собственность короны и должны приносить ей прибыль. У госпожи Агнеты как раз место должно освободиться, вот ты его и займёшь.

– Я буду жаловаться!

– Кому, несчастная? – он смотрел на меня уже с жалостью, и я ощутила пробежавший по позвоночнику холодок. Похо-

ду, они тут серьёзно баб продают и покупают... Сбылись самые заветные, самые влажные мечты мужиков из мужского движения! Их бы сюда перенести всех, зачем меня?

– Королю! – твёрдо ответила я, прорвавшись, наконец, через радужное свечение. Дознаватель посмотрел на меня, как на монстра – с испугом и недоумением. А Ревз захлопнул крышку «ящика Пандоры» и спросил у старшего дрожащим голосом:

– Разве так можно?

– Свободен! – рявкнул старший, и парень исчез за дверью. Дознаватель снова глянул на меня, теперь уже тяжёлым взглядом, сказал, будто подытожил:

– Вернёшься в клетку и будешь ждать решения господина полицмейстера. Но лучше бы ты вспомнила, кто твой хозяин, потому что у меня есть горячее желание посоветовать господину полицмейстеру самое грязное и низкопробное заведение для тебя!

Я глубоко вздохнула, чтобы не накинуться на него и не ударить лампой по башке. Нет-нет, пока не стоит принимать никаких опрометчивых решений! А до короля я дойду, если надо будет.

Дознаватель провёл ладонью над чудно ограненным камнем, который лежал на краю стола, и тут же входная дверь распахнулась, вошёл, стуча набойками, предыдущий полицейский. Дознаватель не глядя махнул ему рукой на меня и снова принялся строчить пером по бумаге. Что самое инте-

ресное – писал он не по-русски, какими-то странными округлыми буквами, но я всё понимала. Ксения Лайн там было написано, отказалась назвать хозяина, отправлена на следствие. А потом, уже когда меня уводили, мне удалось разобрать последние слова: свободное заведение рангом пониже.

Ничего себе!

Рангом пониже... И заведение, публичный дом, что ли? Это они решили меня туда определить? Нет чтобы куда-нибудь в служанки, в горничные, не-е-ет, сразу в бордель!

– Сказала б ты ему, девка, – негромко посоветовал полицейский. – Хороша ты, грех тебя в заведение...

Он отпер решётку и кивнул, чтоб я заходила в камеру. Закрывая на замок, оглядел меня с ног до головы и сказал с жалостью:

– Выкупил бы тебя для собственного пользования, да денег нет.

«И слава богу!» – выдохнула я про себя. Лучше уж в заведение, честное слово...

Когда стражник ушёл, шаркая ногами, я глянула на тётку. Спросить или нет? А, что я теряю!

– Скажите, а что это за заведение госпожи Агнеты?

Они переглянулись и закрестились своими сложенными в домик пальцами. Одна из них ответила:

– Не дай тебе Богиня туда попасть! Лучше уж признайся, от кого сбежала, да вернись к нему. Пусть порет, пусть гнобит, а всё лучше он один, чем...

Вторая поддакнула:

– Свой-то он выпорет и пожалеет, а эти все чужие...

– Не-ет, лучше уж за хозяином, а не за заведением!

– А как же госпожа Агнета? Она же женщина? И у неё нет хозяина? – спросила я, подходя к окошку.

– Так король её хозяин! – хмыкнула тётка. – Все они, держалицы заведений, собственность короны. Как и девицы ихние!

Я покачала головой. Чудны дела твои, господи...

Какое небо красивое! Солнце светит, птички чирикают и заливаются трелями на деревьях площади, телеги и кареты то и дело трясутся в обе стороны... Толстая баба несёт вёдра от фонтана, а за ней девчонка в грязном платье, подол которого метёт солому на камнях мостовой, гонит куда-то стадо гусей, которые хлопают крыльями и пронзительно кричат... А вот и весьма примечательная процессия: барышни в плащах, из-под которых выглядывают кружевные оборки и фатиновые нижние юбки, спешат, хихикая и переговариваясь, за высоким хмурым мужчиной в форме, но не полицейской. За ними, нагруженные тяжёлыми баулами, семят просто одетые служанки.

– Барышни, поторопитесь! – басом прикрикнул мужчина. – У нас мало времени! Надо успеть во дворец до ночи!

– Иначе Лериданский зверь всех сожрёт! – поддакнул ему возница с длинной чёрной кареты, закрытой почти наглухо. Четвёрка вороных рыла копытами мостовую, яростно тряся

гривами. Красивые лошадки! Куда, интересно, они направляются, в какой дворец? К королю, что ли? Мне тоже надо к королю! Что за процессия?

Этот вопрос я задала вслух, и тётки с любопытным кряхтением подползли к окошку. Одна из них сложила сухие ручонки на груди и вздохнула мечтательно:

– О, невестушек на смотрины везут!

– Ой повезло...

– Ох, точно! Король же объявил смотрины для принцев!

– Хм, – сказала я. – Сколько же у него принцев?

Тётки глянули на меня удивлённо, а потом одна из них спросила:

– Из какого глухого угла ты вылезла? Трое у нас их высочеств!

Вторая поддакнула:

– Да, трое, и все в возрасте жениться!

– Наследник уж больно хорош!

– Да и другие высочества не хуже!

Я шумно выдохнула, набираясь смелости. Надо быть осторожнее, потому что вместо увеселительного заведения для мужчин меня могут упечь в психушку, а там наверняка просто привяжут к кровати...

– А как попасть на эти смотрины?

Тётки переглянулись и оглушительно расхохотались, хватаясь за животики. Одна даже повалилась на кучу соломы, кашля от смеха. Наконец, кто-то прохрипел:

– Эвона куда собралась! На смотрины! Туда же только знатных зовут!

– Не ври, Раська! Ещё кого печать отметит!

– Будто она отмечает незнатных! На моей памяти ни разу такого не бывало!

– Что за печать? – насторожилась я, а в голове вспомнилось: «Печать дьявола». Невесты теперь собственность своих отцов или уже собственность короны? Всё равно они – чья-то собственность...

– Волшебная печать, метка, – объяснила Раська. – Говорят, Богиня метит тех, кто годится рожать наследников с большой силой!

– Какой силой? – не поняла я.

– Большой!

Спасибо, Кэп.

Ну их в баню. Лучше посмотрю на процессию невест. Все хорошенькие, с причёсками, упитанные такие! Не толстые, но плотненькие. Откормленные. Как хрюшки у хорошей хозяйки... Мне среди них точно делать нечего. У меня ж диета, фитнес... У меня пятьдесят семь кило... Блин! Что-то есть захотелось! Нас с утра не кормили, а будут ли?

Лёгкое сияние, совсем прозрачное, невесомое, накрыло площадь, и я испугалась, сама не зная чего. Наверное, невероятной, страшной и неумолимой красоты, которую увидела впервые в жизни. Никогда не привыкну к магии, никогда! Что ящик Пандоры, что эта радужная взвесь... Всё внут-

ри замерло, разрываясь между желанием любоваться и спрятаться!

Но в тот момент я ещё не знала, что от магии не спрячешься.

Потому что сияние поблекло, словно решило раствориться в воздухе, а потом вдруг снова вспыхнуло ярко, как солнечный блик. Я даже зажмурилась сначала, а, открыв глаза, увидела, что радужные частички, похожие на крохотных светлячков, мелькают прямо перед моим лицом. Я заорала, отмахиваясь от этого мельтешения, будто от злой мошки, но мои судорожные движения не произвели на светлячков никакого впечатления. Зато тётки вылупились на меня, подталкивая друг друга локтями, сгрудились, отступив подальше. Молча.

Светлячки будто обследовали меня.

То у лица порхают, то у груди, то к животу спустятся...

Ужас затопил меня целиком. Что от меня надо этому сиянию? Уже в кабинете дознавателя оно сковало мою волю, мешая двигаться, а тут ищет что-то... Зачем я ему?

И вдруг...

Меня обожгло в районе груди, крепко, больно, жарко!

Я вскрикнула, машинально прижав ладонь к коже немного ниже ключицы, а потом глянула туда и застыла в изумлении. На груди, словно тавро, краснел ожог в виде круглой печати с завитушками. Блин! Меня пометили! К чему бы это? Может, тут у всех женщин есть такое?

Нет, погодите! Богиня метит печатью тех, кто может родить наследника с большой силой. Получается, на мне она ошиблась. Осечка вышла! Я, конечно, хотела попасть к королю, но не в качестве невестки же!

Раська уже подобралась к решётке и первой застучала кулаком по загрохотавшим прутьям:

– Эй! Э-эй! У нас тут невеста! Эй!

– Открывай, стража! Надо мэтру королевскому ловчему сказать!

– Открыва-а-ай!

– Тише вы, тише! – крикнула я. – Не надо никому говорить!

– Дура, – гавкнула на меня Раська. – Ты теперь невеста, тебе во дворец надо на смотрины!

– Я ничья не невеста, блин!

– От дура, – проворчала вторая тётка и тоже застучала по решёткам. – Королевой станешь, на перине спать будешь да с золотых тарелок золотыми вилками есть!

– Да плевала я на золотые тарелки!

Запахнув пижамку, я забила в угол. Тавро невесты жгло мучительным огнём, и я всё время потирала метку, пытаюсь избавиться от зуда. Не пойду никуда. Пусть держат в тюрьме, не нужны мне никакие принцы и никакие смотрины! Я девушка свободная и независимая, а никакая не собственность короны.

Но у этого мира явно были другие планы на меня. На кри-

ки пришли сразу двое. Охранник вытащил меня из камеры, а старший дознаватель распахнул пижамную рубашку, невзирая на мой протестующий вопль.

– И правда, метка избранных, – пробормотал, глядя на тавро пристальным взглядом. Потом словно очнулся и крикнул в темь лестницы:

– Эй, живо достаньте какое-нибудь платье!

Глава 3. Первое испытание

Я сидела в чёрной, наглухо закрытой от внешнего мира карете между рыжей толстухой и светленькой пампушкой, глядя в упор на высоко хмурого мужчину в форме королевского ловчего. Казалось, он спал, но я прекрасно знала, что тёмные глаза следят за всеми девушками из-под неплотно сомкнутых ресниц. Как по мне, данная миссия ему очень не нравилась. Интересно, чем занимается ловчий в обычной жизни?

Карета была не слишком прочная. Колёса скрипели, с наугой преодолевая бесчисленные выбоины на дороге, из щелей дуло, а иногда мне казалось, что вся конструкция сейчас развалится. Воняло потом, перебитым отдушкой, кожей сапог, чем-то вроде нафталина – прогорклым, но приторным. Все эти запахи смешивались в один стойкий и крепкий аромат сортира, в котором побрызгали Шанелью.

– Ты крестьянка? – раздался шёпот слева. Пампушка рассматривала меня с искренним любопытством, особенное внимание уделяя платью. Оно было ужасным. Длинное, до пола, жуткого цвета детской неожиданности, застёгнутое на страшные пуговики... Даже смотреть на такое не хочется, не то чтобы носить. А меня в него насильно запихнули!

– Нет, – ответила тоже шёпотом. – А ты?

Пампушка фыркнула так, что я сразу поняла – нет, она

знатная. И это подтвердилось практически мгновенно, когда девушка вздёрнула короткий носик и продекламировала чуть ли не нараспев:

– Я маркграфиня Рика Блецкая, дочь маркграфа Блецкого...

Логично, ага.

– ...милостью королевской лесничего графства Блец!

Кажется, весь мир наполнился сплошными Блецами...

– В нашей семье испокон веков рождались сильнейшие маги!

А вот это уже интереснее! Я вся превратилась в слух, потому что вступила рыжая толстушка, скривив губы:

– Это у Блецких-то сильнейшие? Мы, Рендэ, всегда побеждали на волостных турнирах, так что не кичись тут тем, чего нет!

– Да? И именно поэтому королева Таиана, жена его величества короля Эдира Третьего, была в девичестве Блецкой?

– Обычная ошибка!

– Магия не делает ошибок, курица!

– Сама курица!

– Молчать всем! – рявкнул ловчий, резко выпрямившись. – Кто ещё хоть слово скажет, высажу на дороге!

Я аж подпрыгнула от неожиданности, потому что заслушалась спором двух девиц, кто знатнее. А они заткнулись с полуслова и головушки склонили, глазки опустили. Ничего себе выдрессированные! Последовав их примеру, я обве-

ла взглядом из-под ресниц остальных девушек. Всего нас в карете было шесть без господина королевского ловчего: пышечка, толстусечка, я и три совсем скромных, совсем молчаливых девицы. Те сидели, как три автомата, сложив руки на складках плащей, и смотрели на носки своих изящных туфель. Я глянула на свои. Они были ещё гаже платья. Примерно такие я видела в кино на первых комсомолках – тех, что ходили в кожанках и красных косынках. Уродливые башмаки! Где мои тапочки-собачки? В лесу потерялись...

Так.

Подытожим.

Первое: я попала. Второе: я попала всерьёз и надолго, если не навсегда. Третье: мир оставляет желать лучшего в плане развитости и отношений человека к человеку. Впрочем, полагаю, что женщину здесь за человека не считают. Четвёртое... Странная магия пометила меня, как невесту. Потенциальную. Меня везут во дворец, чтобы там устроить смотрины. Это, конечно, прелестно, но меня совершенно не устраивает. Замуж я не собираюсь, тем более, за того, кого никогда в жизни не видела, тем более, таким варварским образом.

Какое там у нас по счёту?

Пятое: я в растерянности. Как жить и что делать? Не могу же я, в самом деле, оставаться в этом мире! Должен быть какой-то способ вернуться домой. Я обязана его найти! А пока не найду, буду стараться свалить из этой компании. Мужиков надо опасаться, это я уже поняла. Они стараются хапнуть

любую девушку, любую особу женского пола, чтобы подчинить себе или выгодно продать. Женщин, кстати, тоже надо опасаться, потому что они слишком вялые и мягкотелые, полностью во власти своих хозяев.

Хозяев!

Как будто мы снова при крепостном праве!

Возмутительно...

Карету тряхнуло, оси скрипнули жалобно и надрывно, а потом я услышала треск. И от толчка чуть было не упала на соседок. Пол накренился, а ловчий выругался вполголоса. Потом сказал в тесное пространство кареты:

– Сидите молча, я пойду посмотрю, что произошло.

Он выскочил из кареты, захлопнув за собой дверцу, и мы остались смотреть друг на дружку испуганными глазами.

Впрочем, я знала, что произойдёт. Нас попросят выйти из кареты, чтобы починить сломанную ось или слетевшее колесо, мы сядем на обочину и будем ждать. Не исключено, что до ночи. Можно будет попроситься сходить до кустиков, а там рвануть в лес. Ей-богу, в лесу лучше, чем с этими женоненавистниками! Меня вон даже волк не съел, значит, выживу. Стану отшельницей. Огонь добывать умею, в сторонах света ориентируюсь, грибы и ягоды собрать и не отравиться сумею. Живой не дамся, ха-ха-ха!

– Ты какому роду принадлежишь?

Пампушка всё никак не могла угомониться. Вот любопытная Варвара! Всё ей надо знать. А что ответить?

– Никакому.

– Так не бывает.

– Как видишь, бывает.

– Я маркграфиня, Рендэ княжна, миледи Зафарские, – она кивнула на девиц напротив, – купецкие дочки. А ты? Если не крестьянка, то у тебя есть титул. Представься!

– Отстань, – вежливо посоветовала ей я. – У меня нет титула. И хозяина нет.

– Ты принадлежишь короне? – медленно спросила Блецкая и так же медленно отодвинулась от меня. С другой стороны княжна Рендэ тоже вжалась в стенку кареты. Я непонимающе посмотрела на них по очереди, а Блецкая прошептала:

– Богиня, неужели мне придётся соседствовать с одной из ужасных девиц, принадлежащих всем, кто заплатит?!

– Вот уж правду говорят, что у нашей знати ум вырождается, – неожиданно откликнулась одна из миледи Зафарских. По-видимому, она была старшей и привыкла командовать сёстрами. – Если девицу, принадлежащую короне, взяли на смотрины, значит, она чиста и невинна.

Она махнула мне рукой:

– Садись сюда, места хватит.

Я села.

Мне-то что?

Купецкие дочки, в принципе, не самая худшая компания. Хотя, кто их тут знает в этом мире... Лучше уж они, чем

заносчивые аристократки.

– Скажи, откуда ты пришла? – спросила вторая сестра Зафарская тихим и мелодичным голосом. – Мне почему-то кажется, что ты издалека.

– Я действительно издалека, – вздохнула, пытаясь судорожно выдумать какую-нибудь правдоподобную легенду. – Из-за далёких морей и гор...

– Из Люффингера? – бросила небрежно княжна Рендэ, но я покачала головой:

– Нет.

Мало ли, окажется, что у них тут один континент и такой страны нет. Сейчас, сейчас, момент... Выдумую...

– Я из Санкт-Московитии.

– Никогда не слышала, – призналась княжна, оглядев остальных девушек. Те тоже сделали большие глаза, мол, ни сном ни духом.

– Неудивительно. Это очень далеко! – сказала я внушительно.

Дверца кареты распахнулась с оглушительным скрипом, и господин королевский ловчий сказал усталым и злым голосом:

– Барышни, вам придётся выйти и подождать на обочине.

Что интересно – ни одна не возразила, не фыркнула презрительно, не воспротивилась. Все мои соседки заторопились на выход. Но то, как они это делали, было показательно. Маркграфиня вздёрнула носик и проползла к дверце с

таким видом, будто делала одолжение. Княжна нацепила на хорошенькое круглое личико маску ледяной бесстрастности, что совсем не вязалось с её обликом лисички. Миледи Зафарские, соблюдая очерёдность, принятую, видимо, в их семье, аккуратно оправили складочки юбок и вышли, помогая друг другу. Я вылезла последней, спрыгнув с подножки на пыльную, утопанную повозками и лошадиными копытами дорогу.

Лес, вокруг лес, зелёный и влажный от прошедшего дождя, и только узкая лента земли, свободной от травы, убегает вдаль к повороту. А в сотне метров в маленькой просеке у дороги стоит что-то вроде часовни – каменный домик без окон с крестом на крыше. Стены обвиты диким плющом, так, что кажется, будто здесь никто не бывал уже двести лет.

– Барышни, вам несказанно повезло, что карета сломалась близ часовни святой Жанины. Идите и помолитесь ей, как вас учили ваши матери. Йент, ты отвечаешь за невест, и не спускать с них глаз!

Один из сопровождавших нашу карету солдат козырнул и вскинул саблю наперевес. Процессию возглавила, конечно, маркграфиня. Подобрав пальчиками юбки, она направилась к часовне. Следом за ней потянулись другие девушки под конвоем Йента. Тот именно что не провожал, а конвоировал, как будто не невест, а беглых каторжниц...

Я же в наивной смелости своей обратилась к господину королевскому ловчему, постаравшись сделать это как можно

более вежливо:

– Простите, пожалуйста, а когда нас накормят? И ещё такой вопросик: очень хочется в туалет, можно отойти в лес?

Я думала, он меня убьёт на месте. Или сам удавится. Или разверзнется небо и в меня ударит молния... Ловчий выпучил глазищи, зашевелил усами и как будто подавился. Во всяком случае, я за него реально испугалась. Но офицер быстро взял себя в руки и грозно, но тихо сказал:

– С остальными невестами в часовню! Быстро! А посмеешь ещё обратиться ко мне без предварительного на то разрешения – не посмотрю на метку избранных и верну в полицейский участок!

Фу ты ну ты, какие мы злые!

Я пожала плечами, решив не ссориться с ним, и пошла вслед за девушками по дороге. Йент этот раззявистый не сможет уследить за всеми, а сойти в травку и углубиться в лесочек на несколько метров не составит никакого труда. Не собираюсь я ради их грёбанного патриархата цистит зарабатывать!

Верная себе, так я и сделала. Просто нырнула за часовню, не доходя до неё. Там как раз росли лопухи – или что-то подобное – и я присела, подобрав пахнущее затхлостью платье чуть ли не до подмышек. Как они тут живут с этими жуткими кринолинами и ворохом нижних юбок? О боже, какое облегчение...

В полной нирване я просидела почти минуту, пока не

услышала взволнованный голос солдата:

– А где шестая невеста? Вседержитель, только бы не сбегала!

– Пусть бежит, – фыркнула Блецкая. – Пусть её Лериданский зверь сожрёт!

– Не дождёшься, – ответила я, выходя из зарослей лопуха. Йент, весь белый, пошёл пятнами, наверное, от пережитого страха и грозно вскинул саблю:

– Запрещено отходить от дороги!

– А ты бы хотел, чтобы я перед тобой пописала? – вежливо спросила, ожидая реакции. Пятна вновь сошли с его лица, не отмеченного печатью гения, и солдат напыжился:

– Я расскажу господину королевскому ловчему о твоей дерзости!

– Представь на один короткий миг, что будет, если я стану твоей королевой, – усмехнулась я. Девушки захоли в праведном ужасе, прижав ладони к щекам. Такие они были в этот момент одинаковые и смешные, что я вздохнула. Господи, куда ты меня забросил и зачем? Ведь была у тебя цель, и пути твои неисповедимы... Как мне тут выжить, какому богу молиться?

Кстати, о молитвах.

Не обращая больше внимания на остальных, я повернулась к часовне и широко перекрестилась, как это принято в моём мире, в моей религии. Краем глаза заметила, как девицы испуганно переглянулись и все, как одна, посмотрели на

небо. Опять молнию ждут? Пусть ждут. Я пойду посмотрю, как выглядит местный бог. Или богиня.

В часовне было темно. Точнее, было бы темно, если бы не светлячки. Шут знает, насекомые это или просто какая-то флуоресцентная взвесь в воздухе, но факт – оно парило и подсвечивало. В первый момент я испугалась, что случится ещё одно насилие надо мной. Мало ли, захотят тавро поставить на другие части тела... Но светлячки не двигались, только колыхнулись от открывшейся двери.

И снова колыхнулись, когда дверь тихо притворилась за моей спиной.

Если бы я была более впечатлительной, наверняка испугалась бы этой давящей атмосферы полумрака и таинственности. А так как впечатлительной я не была, то вздохнула и огляделась.

Святая Жанина стояла в центре часовни – статуя, вырезанная из дерева, очень похожая на творчество язычников. С грубыми, топорными чертами лица, в стилизованном длинном платье, с жезлом в руке, она смотрела на меня печально и пытливо. С чем пришла, девица? На этот немой вопрос я не могла ответить внятно. С чем, с чем... С проблемой пришла!

– Здравствуйте, – чувствуя себя предельно глупо, обратилась я к статуе. – Молиться по-вашему я не умею, так что придётся выслушать меня без молитвы. Я тут это... попала. И очень сильно хотелось бы вернуться домой... Если можно,

конечно.

Статуя проигнорировала мой запрос, оставаясь бездвижной и бессловесной. На что я надеялась? Что она оживёт и ласково скажет: «Хорошо, деточка, сейчас отправлю тебя обратно!» Я только вздохнула, отчего светлячки снова колыхнулись и ожили, двинулись ко мне. Ох нет! Не надо! Ещё одного тавро я не переживу!

Но магические искры остались деликатными и отстранёнными. Они просто запорхали вокруг моей головы в плавном, неспешном танце. Потом резко брызнули в стороны, собрались яркой толпой на самом кончике жезла статуи. Некоторые потухли, некоторые вспыхнули ярче, и всё вместе сложилось в вычурный знак, как будто помесь руны и иероглифа. Как и в кабинете дознавателя, не зная письменности этого мира, я всё равно поняла значение. Твёрдое «нет».

Это что же... Мне ответили на мою просьбу? Отказали? Во как...

Хорошая святая.

Но бесполезная.

Интересно, кого просить вернуть меня домой?

А, ещё вопросик. Можно ли загадывать сразу несколько желаний?

Я взглянула на светлячков, но они молниеносно разлетелись по углам и там затаились, мерцающая хаотично и редко.

– Я поняла, – со вздохом ответила я. – Ладно, я ещё приду, хорошо?

Всплеск сияния из углов, и снова полумрак.

Они согласны.

Когда я вышла из часовни, все девицы и Йент стояли в тех же позах, в каких я оставила их. Первой опомнилась маркизья, которая была посмелее остальных:

– Ты не умерла на месте?

– Как видишь, – фыркнула я. – А что, должна была?

– Богохульница!

Девушки как одна подняли сложенные домиком указательные пальцы к лицам, на которых появилось выражение священного ужаса. Йент вложил саблю в ножны и пробормотал:

– Карету починили, можно ехать. Никто больше не собирается молиться?

Девицы желания не выказали, а я свой ответ уже получила. Поэтому направилась к месту остановки, не глядя на других. По-видимому, моё поведение всё ещё оставляло желать лучшего, потому что сзади я слышала только охи, ахи и перешёптывания. Ну и бог с ними, какие-то курицы будут мне диктовать, что делать!

В карету я залезла первая, села в уголок, скрестив руки на груди и заложив ногу на ногу. Господин королевский ловчий взобрался после меня и пробормотал:

– Если бы не метка избранных...

Да-да, знаю, уже бы меня удушил собственными руками! Но, поскольку метка стоит, бояться мне пока нечего. Вот

только интересно, останется она навсегда или скоро сойдёт?

Девушки расселись по местам подальше от меня. Но кого это смутит? Мне больше воздуха достанется. И глаза закрыть можно, отдохнуть, пока едем, никто не пристаёт... Красота да и только!

Похоже, я всё-таки задремала, потому что ясно видела лес и огромного волка, который стоял, высунув язык из жаркой пасти, и смотрел на меня золотистыми яркими глазами, словно сотканными из искр-светлячков.

А потом мы приехали.

Господин королевский ловчий громко и радостно возвестил:

– Дворец! Готовьтесь, барышни, к первому испытанию, а моя миссия на сегодня закончена!

Слишком радостно.

Не к добру, ох не к добру всё это, я вам говорю. Что-то он прямо светится изнутри... Какая тяжёлая миссия – привезти кучку девиц ко дворцу...

Теперь уже из кареты я выбралась последней – место в углу обязывало. Вечер плавно спускался на город, в котором мы остановились. От площади с фонтаном, окружённой богатыми домами с эркерами и балкончиками – точь-в-точь, как в городе, откуда мы уехали – поднималась на холм мощёная плоскими камнями дорога. Широкие ступеньки. Ох, это просто ненависть, на таких вечно не хватает шагов! Три шага много на ступеньку, а два – мало.

Однако подняться по ней придётся.

Стража, встретившая нас с алебардами наперевес у подножия лестницы, недвусмысленно указала путь – на лестницу. По ней уже поднимались другие девушки, одетые в дорожные платья. Маркграфиня с княжной были бледными, как смерть, а сёстры Зафарские дрожали. Да и на лицах остальных девушек, которых я не знала, особой радости не наблюдалось.

Как будто на эшафот идут, честное слово.

Может, и мне надо бояться?

Но отчего-то страшно не было. Я ступила на лестницу, принялась подниматься, ругаясь вполголоса на чёртовы ступеньки, и даже ускорила шаг, чтобы побыстрее увидеть первое испытание.

Да чего там, я и на экзамены всегда первой ходила, чтобы не ждать!

Когда же закончатся эти ужасные ступеньки?

Ноги начали давать о себе знать – то в карете целый день, то теперь вот поднимайся...

А испытание оказалось у самых дворцовых ворот. Радужная искристая пелена. Будто мыльный пузырь, только не прозрачный, а густой, как компот, натянули между рамой дверей. И девушки одна за другой подходили к этой пелене. Дрожали, бедняжки, бледнели, но послушные жесту пропускающего их чиновника в скучном сером сюртуке, касались рукой пелены.

И проходили внутрь!

Ого!

Это, получается, некий портал? Только куда он ведёт? И зачем через него пропускают, как через рамку металлоискателя? Ответ на последний вопрос я получила, когда была в десятке метров от радужной пелены. Одна из девушек, коснувшаяся невесомой оболочки мыльного пузыря, вдруг вскрикнула, как от боли. Искры замелькали у неё перед лицом, заставляя беспорядочно отмахиваться, а двое стражников схватили под руки и увели куда-то в сторону. Бедная девушка вопила, как резаная, а я вытянула голову, чтобы увидеть, что с ней станет. Но так и не увидела, потому что всё заслонили пышные юбки расфуфыренной фифы. Та презрительно скривилась, глянув на меня, и даже пальчики с вышитым платочком поднесла к нос.

Со мной поравнялась другая девушка – в простеньком платье с закрытым лифом и в нелепом чепце вместо шляпки, как у других. Я спросила у неё:

– Что это за проход такой? Мы все должны через него... того?

– Конечно, – мило ответила она. – Это первое испытание. А ты не знала?

– Нет, мне как-то не сказали, – в моём голосе сквозила горечь и издёвка. Не сказали, разрешения не спросили, закинули в эту дичь, ещё и пометили искрами...

– Это измеритель магии. Принцам нужны невесты с хоро-

шим запасом. Иначе не выйдет наследников!

– Магия как способ контрацепции, – пробормотала я.

Со всех сторон нас сжимали претендентки и конкурентки. Человек десять уже толпилось у портала, не решаясь пройти сквозь него. Наконец, чиновник вякнул скучным голосом:

– Следующая!

Один из охранников решил придать девицам ускорения, для чего довольно бесцеремонно подтолкнул к воротам сначала фифу, а потом и ещё трёх невест. Фифа была поглощена пеленой с лёгким и довольно противным чавканьем. Зато остальным не повезло. Искры отвергли девушек, и тех поволокли в сторону под визг и мольбы. Теперь уже я смогла увидеть, куда ведут неугодных – через низкую дверцу с решёткой, вделанную в каменную стену. Из-за решётки торчали руки тех, которые просили о пощаде, но молча. Ни одного звука не доносилось до нас, как будто не прошедших первое испытание лишали голоса.

Передо мной вдруг оказалось свободное пространство, меня подтолкнули к самой пелене, которая искрилась завораживающе, с тихим потрескиванием. И только сейчас я ощутила животный страх перед этой незнакомой мне, непривычной магией.

Пополню ли я ряды тех, кого заперли в импровизированной тюрьме? Или пройду и окажусь по ту сторону вместе с уже принятыми? А что ждёт меня в обоих случаях?

– Не же, барышня, поживей! Не задерживай!

Меня весьма ощутимо толкнули в спину, и я не удержалась, полетела вперёд, вытянув руки – прямо в искры...

Которые обняли моё тело, обволакивая горячей жижой, мешая дышать и медленно убивая.

Да разве так должно было случиться?

Глава 4. Игра в прятки

К моему вящему удивлению, я не умерла.

Нет, меня выплюнули из пелены радужных искр по другую сторону портала, на лужайку. В парке. Парк был окружён той самой каменной стеной, которую я только что видела снаружи. Вымощенные камнем же дорожки между зелёными участками и клумбами роскошных, неизвестных мне цветов вели ко дворцу. Сам дворец был так себе – не слишком высокий, но растянутый в ширину. Красивые окна, некоторые с витражами, балкончики, снова эркеры, а сверху, на крыше – башенки и каминные трубы. Глядя снизу, я впечатлилась, хотя прекрасно понимала – дворец гораздо меньше, чем кажется. Всё-таки я родилась в век интернета и фотки разных замков видела...

Указателей нигде не было. Жалко, что тут не музей. В них обычно пишут: там спальня короля, тут тронный зал, налево оранжереи, направо пыточная. А мне что делать? Наугад идти, потому что двор пуст, как карман бедняка. Как мой карман.

Обычно все люди, которые пишут и едят правой рукой, при случайном выборе направления поворачивают именно направо.

Так я и сделала.

Юбка мешалась и норовила попасть под подошвы – слиш-

ком длинная, – поэтому я подобрала её обеими руками и двинулась к правому флигелю дворца, который мне чем-то понравился. Спросить бы, куда мне сейчас. И где те невесты, которые прошли портал раньше меня? Не бегом же они сбрызнули от ворот? Спринтерши, ага...

Широкая и тяжёлая деревянная дверь была открыта, и я заглянула туда, в сумрак, где пахло кислым и сладким. Прошла по коридору через пару хозяйственных комнат и попала в огромный зал. Огромный очаг смотрел прямо на меня раскрытой пастью, внутри которой теплился огонёк.

– Здравсьте, – бросила я негромко в пустоту. – Здесь есть кто-нибудь?

Здесь были искры.

Опять эта магия! Опять неизвестно откуда появляется и мелькает перед глазами!

Я замахала руками, пытаюсь отогнать навязчивых светлячков, и вдруг...

Как будто хлопок в ушах, как будто время откатилось назад или неожиданно я перенеслась в другую реальность!

Кухня была полна девушек в похожих на моё платьях и в грязных белых передниках. На волосах чепцы, руки красные от горячей воды или мыла. Захлопотанные, служанки бегали с подносами, а некоторые занимались готовкой. Ко мне, переваливаясь с бока на бок, поспешила женщина в возрасте – с морщинистым обветренным лицом и платком, повязанным вокруг головы вместо чепца. Зачастила:

– Что ж с утра не явилась? Как звать тебя?

– Ксения, – растерянно ответила я. С утра? С утра я в тюрьме сидела. За бродяжничество.

– Гзенья, что за имя такое чудное... А я Мелла буду. Вещички-то где твои?

Она с любопытством разглядывала меня с ног до головы пару секунд, а потом махнула рукой:

– А, потом подберём! Опять сиротку прислали, собственность короны... Ну? Что стоишь? Ромбушки нечищены, вот ими и займёшься.

Я наморщила лоб. Ромбушки? Это что за звери такие? И что вообще происходит? Может, они меня с кем-то спутали?

А-а-а, я поняла! Это должно быть второе испытание! Хитро придумали... Смотрят, как невесты поведут себя в разных обстоятельствах. Ну ладно, мне не в тягость и ромбушки почистить, и суп сварить, меня мама всему учила.

На меня никто не обращал внимания, но это только казалось. Краем глаза я заметила и взгляды девиц, и смешки услышала, и перешёптывания. Мелла провела меня в угол у очага и ткнула пальцем в огромную корзину, полную клубней. Картошка? Репа? Гибрид? Непонятно. И как её чистить? Скоблить или шкурку срезать?

– Умеешь? – подозрительно спросила Мелла, и я, поколебавшись, помотала головой. Женщина тяжело вздохнула, выражая этим всю свою скорбь от молодого поколения, которое нифига не умеет, но взяла воткнутый в ромбушку коротень-

кий, чуть изогнутый ножик и принялась резво соскабливать тонкую кожицу. Запахло сладким и нежно-пряным. Кожура полетела прямо на пол, а Мелла бросила очищенный клубень в чан с водой. Вручила мне нож:

– Работай. О, погоди, у тебя даже передника нет? Сейчас найду тебе старенький, потом сама купишь.

– Мне и жалование дадут? – удивилась я. Это что, не испытание? Тогда я попала. Хотя, чего я волнуюсь-то? Ведь хотела же свалить в лес от этих смотрин! А тут лучше, чем в лесу. Тепло, при еде, опять же денежки заработаю...

– Дадут, как только пользу начнёшь приносить, – проворчала Мелла, швыряя мне заляпанный фартук. Расправив его, я заметила потёртости и дырки. До меня его хорошенько заносили, ага. Надо бы достать нитки и иголку, зашить. Потом. Сначала ромбушки.

Первый десяток я очистила легко. На втором пальцы начали уставать. На половине корзины я мысленно взвыла. Но надо было держать лицо перед кухонной челядью, которая работала споро и ловко. Некоторые ещё и хихикали, глядя на меня. Ничего! Ещё посмотрим, кто кого. На такой большой кухне нет ни одной машинки, всё руками, всё! Конечно, рук-то много, и заменить можно легко. Картофелечистку бы сюда... Я бы эту корзину в десять минут освободила от кожуры. Но, к сожалению, электричество тут не изобрели. И я не изобрету. А вот ручную шкуркочистку – вполне. Надеюсь, тут знают принцип работы шестерёнок и зубчатой передачи?

Когда я бросила в воду последнюю очищенную ромбушку, пальцы уже были деревянными. Мелла пришлёпала ко мне, поцокала языком и покачала головой, помешав рукой клубни, фыркнула:

– Вот тут и тут плохо очистила! А ну доделай! Для королевского дворца готовим, не для крестьянской избы!

– Да разварится и видно не будет, – пробормотала я, но Мелла вдруг отвесила мне лёгкий подзатыльник и сказала, игнорируя мой вскрик:

– А ну! Поживей! Кто тебя только учил?

– Когда папа Карло, а когда никто, – бросила я с вызовом, глядя ей в глаза. Мелла нахмурилась, вздохнула:

– Эх, девка, жалко мне тебя... Пока обтешешься, шишек заработаешь. Глаза опусти-ка да дочисть. Уж пора супец ставить, а у нас конь не валялся!

А потом наклонилась ко мне и прошипела на ухо:

– Ты мне других не баламуть! Будешь слушаться – высоко подымешься, а если заерепенишься – быстро вылетишь отсюда, и путь тебе один! В заведение!

Страшно, аж жуть... Да отправьте меня уже в это заведение! Хоть посмотрю на него! Но в одном она права – ерепениться пока вредно. Надо нос пониже, а спинку попрямее сделать. Не унижаться, но и не выступать. Поэтому я послушно выловила несколько ромбушек и сняла последние кусочки кожуры. Мелла подхватила чан и кивнула:

– Теперь поди помоги нарезать фирань к супцу.

Фирань... Знать бы, как она выглядит. Я поднялась, уперлась ладонями в спину и попыталась прогнуться назад, чтобы размяться. Пальцы дёрнуло током. Ух болят!

Сжала кулаки несколько раз, приговаривая:

– Мы писали, мы писали, наши пальчики устали.

А потом направилась к единственному столу, где девушка с кудряшками из-под чепца сосредоточенно строгала длинные зелёные стебли. На порей похоже. Фирань, блин! Говорили бы, как нормальные люди, – порей и точка.

– Привет, – сказала я девушке. – Помочь?

– Ты не спрашивай, ты нож бери, – хихикнула она, подвигая мне часть стеблей. – Я Арика, а ты?

– Ксения.

– Тэ, что за имя такое? Откуда ты?

Я взяла нож и, подглядев, как она делает, принялась резать фирань прямо на столешнице, уже носившей следы лезвия. Ответила между делом:

– Издалека. А ты давно тут?

– Так три года уж! Четырнадцать мне было годков, когда меня отец продал дворцу.

– Ты тоже собственность короны? – фыркнула я, но Арика серьёзно ответила:

– Я принадлежу господину главному королевскому кухарю. Ты тоже?

Я пожалала плечами. Арика додумала за меня и озвучила:

– Не, ты же собственность короны! Значит, как Мелла.

Вам лучше!

– Чем же это лучше? – заинтересовалась я. Все эти подробности начали меня увлекать по-настоящему. Арика наморщила лоб и сказала:

– Ну, взять хотя бы жалование. Из моего часть идёт коро-не, а часть господину главному кухарю. А вот если тебе пла-тить будут, вычитать следует только часть короне.

– О как...

Интересно, сколько по деньгам получится? Надо будет по-том спросить, какую сумму Арике дают на руки. Потом.

А пока надо смотреть, что делаю, потому что нож легонь-ко скользнул по пальцу, оцарапав. Я сунула палец в рот и осмотрела лезвие. Хорошо, что не наточен, а то отсекла бы к-фигам. Кстати, почему тут не точат ножи? Я поискала взгля-дом брусок или мусат, но ничего не нашла. Решительно ото-брав нож у Арики, принялась привычно водить лезвием по тупой стороне. Папа так всегда делал на даче, на рыбалке.

– Что это ты... – удивилась девушка, а я попробовала нож на кончике пальца и улыбнулась. Затем принялась править второй. Вернула его Арике и уже без усилия порезала остав-шийся пучок фираны.

– Ловко, – оценила мои старания девушка. – Обычно нам точит ножи кузнец, но он раз в неделю на кухне приходит.

– Бруски поставить на кухню, и можно править себе до кузнеца, – я ссыпала нарезанную зелень в миску и взяла сле-дующий пучок. – А сколько всего кухонь?

– Ну, вот тут у нас людская кухня, – охотно начала рассказывать Арика. – Ох, и правда хорошо режет ножик! Мы готовим на всю прислугу. Дальше кухня для придворных дам и господ, а дальше уж и королевская, но туда мы с тобой никогда не попадём. Там только кухари работают с кухарятами. А, ещё есть пирожечная, кофейная, винные погреба...

– Кофейная? Ох, жизнь отдам за кофе! – мечтательно протянула я, машинально пробуя фирань на вкус. Почти порей, только ещё мягче. А кофе... Я старалась о нём не думать. И вообще, я есть хочу. Блин, какая я голодная!

– Ты что?! – испугалась Арика. – Ты и вправду жизнь оставишь! Кофе только для королевской семьи и самых приближённых людей!

Я только фыркнула. От королевской семьи не убудет. Я не я буду, если не сварю себе чашечку кофе... Потихонечку!

– Готово, сороки? – Мелла подошла со спины, заглянула в миски и удовлетворённо хмыкнула: – Хорошо, мелко, быстро. Арика, вы с Гзеной отдохните чуток, после ужина вам котлы мыть.

– Я ж мыла третьего дня! – напомнила Арика. – Разве ж моя очередь?

– А кто сегодня спалил пулярку? Целую жирную пулярку, дотла! И кто умолял на коленях не рассказывать господину главному кухарю? – Мелла упёрла руки в боки, и её глаза стали больше и выпуклее от праведного возмущения. – Вот и мой котлы теперь неделю, не стони! Гзенья тебе поможет,

она новенькая, пусть привыкает!

– Эх, чтоб её подняло и перевернуло, эту пулярку, – в сердцах бросила Арика, воткнув нож в стол. Я с опаскойглянула на острое лезвие и заметила:

– Ей уже всё равно. Помоем мы котлы, ничего страшного.

Котлы мы, конечно, помыли. Арика привычно, а я – с муками и матами. Почему тут не изобрели Фейри? А то жители Виллабаджо уже праздновали бы... Но нет, мы тёрли внутренности котла песочком на заднем дворе кухни, потом сушили травой, большими пучками травы. А котлов было четыре. И всё это до ужина, потому что Арика предложила – лучше сразу отмучиться, а потом отдыхать. Конечно, я с ней согласилась, но живот бурчал и бурчал. Крохотный кусочек зелени – не еда... Поэтому, когда мы сели за общий «людской» стол, первой моей реакцией было: «Что? Это всё?»

За пятью длинными столами нас сидело около пятидесяти. Только женщины и девушки. Все те, что готовили еду, а ещё горничные в серых платьях, прачки в светлой одежде и – отдельно ото всех – коровницы, от которых пахло. Всё это мне объяснила шёпотом Арика, пока набирала руками на тонкий кусок чёрствого хлеба, служивший тарелкой, пирожков с большого блюда. Фирань с какими-то красными ягодами, приправленную уксусом, мы накладывали большой деревянной ложкой на тот же хлеб. Пулярок, о которых говорила старшая по кухне, на столе не было. На обед, что ли, всё сожрали?

Мне досталось два пирожка, и я принялась думать, что сделаю с этим невероятным богатством, свалившимся на одну бедную попаданку. Съем сразу или оставлю один на попозже?

Впрочем, пока я думала, руки делали. И вот уже от пирожков с мясом, по вкусу куриным, остался только запах. Облизнувшись, я спросила:

– А ещё дадут?

– Дадут. Завтра, – вежливо ответила Арика. Я вздохнула:

– Хило кормят... Я что-то даже не распробовала.

– Привыкай, – пожала плечами девушка. – Ухватишь на кухне завтра кусочек там, кусочек сям. Когда Мелла не видит, можно и второй обед устроить! А вот коровницам хуже, им только сено и остаётся жевать.

Согласившись, я принялась за салат. Разглядывать соседок не хотелось. И так видно, что у них чумазные носы, нечищенные зубы и платья в пятнах, даже у прачек. Лучше подумать о насущном.

Я устроилась на кухне дворца. Это можно считать повышением. Да и вообще большой удачей. Не тюрьма, не заведение с проститутками. Здесь тепло, светло (почти) и близко к еде. А что Мелла руки распускает – переживу. Главное, чтобы мужчины не приставали, а ещё – чтобы никто не увидел мою искристую татушку на груди. А может, она уже сама сошла?

Едва удержавшись от машинального движения проверить

наличие клейма, я почесала голову. Ой! Надеюсь, вошек не подхватила от прелестных барышень! А то придётся бриться налысо, ведь тут нет антипедикулёзного шампуня...

Вдох-выдох. Спокойно. Как-то же тут справляются с насекомыми... Дегтярное мыло, например. Уксус. Керосина наверняка нет, но что-нибудь найдётся. Просто забыть о том, что сегодня я лягу спать на подушку, где до меня спала мадама с вошками...

Господи, как я хочу домой!

Если я попала сюда, то должен быть способ совершить обратное путешествие! Но как его найти?

Доев салат, я принялась машинально пощипывать чёрствую чёрную «тарелку» грубого помола. Придётся подождать и присмотреться. Сдаётся мне, что искры магии могут всё, но вряд ли всё хотят делать. Может быть, есть способ к ним подлизаться? Ведь ответили же они мне в часовне!

Точно!

Мне надо найти часовню здесь, во дворце. И сходить помолиться искоркам, чтобы выбить из них ответ на мой вопрос.

– А где часовня? – подтолкнула я локтем Арику, которая уже начала посапывать сидя.

– Чего? – подпрыгнула она, потом помотала головой: – Часовни нет. Есть церковь.

– Сойдёт. Где она? Как туда пройти?

– В воскресенье все и пойдём, до работы, – зевнула Ари-

ка. – А сейчас спать пошли.

– Мне бы сейчас...

– Священник спит. Да и зачем тебе? В воскресенье получишь отпущение грехов, а пока можно и так помолиться. Пошли-пошли.

Я подчинилась, встала из-за стола. Женщины уже потянулись из столовой в коридор. Мы тоже было втянулись в их цепочку, но меня поймала Мелла:

– Новенькая! Тебе пока места в дортуаре не приготовили. Ты будешь спать в кухне, я там тюфяк бросила у очага.

– Почему?

– Потому что кровать ещё не сделали, – ворчливо ответила Мелла. – Давай, не спорь. Пора уже научиться послушанию...

Она подтолкнула меня к кухне, а Арика помахала рукой исподтишка и шепнула:

– Доброй и сладкой ночи. Встретимся утром.

Ага, сладкой, как мои мечты о доме!

На кухне было душно и темно. Мелла поставила зажжённую свечу на стол и кивнула на очаг:

– Вон тюфяк, накройся этим, – и она бросила мне дурно пахнущую дерюгу.

– Спасибо, добрая госпожа, – с иронией ответила я ей и вздохнула морщась.

– Скажи мне, деточка, тебя для чего растили? – со взаимной ехидцей фыркнула Мелла. – Уж не для утех ли с бога-

тыми и знатными господами? Тебе подавай батистовые простыни и кружевной полог на балдахине?

– Я не неженка, Мелла...

– Госпожа Мелла!

– Простите. Я не неженка, госпожа Мелла, но это, – указала на дерюгу, – воняет псиной и мертвыми крысами.

– Любая другая взяла бы и поблагодарила, кланяясь в пояс!

– Я не любая другая. Если я заболею, кто будет меня лечить? Сколько это будет стоить денег короне?

– Хиленькая ты, Гзенья! Никто не болеет от запаха, а ты вдруг заболеешь?

– Не от запаха, а от микробов!

– Это ещё что?!

– Неважно... – я сдулась от бесполезного спора. – Просто... Можно другое одеялко?

Мелла пристально смотрела на меня, покачивая головой, а потом вышла. Дура старая... Я села на тюфяк, поелозила на нём, пытаюсь устроиться поудобнее, но он был набит колючей соломой. Вот подстава! Как спать-то на нём?

Дверь снова скрипнула, раскрываясь, и мне в лицо полетело что-то шершавое, но пахнущее травами. Подняв голову, я успела заметить край юбки Меллы, а потом дверь закрылась со щелчком. А я улыбнулась. Первая победа, самая сладкая!

Не раздеваясь, я улеглась на тюфяк и накрылась этой

недоскатертью-полуполотенцем и закрыла глаза. Боже, дай мне сладкого сна до самого утра!

Ага, два раза!

Не знаю, сколько было времени, когда я проснулась от нестерпимого зуда в районе груди. Тавро чесалось. Неужели не исчезло? Я села на тюфяке и расстегнула пуговицы платья. Метка избранных таинственно светилась в лунном луче, проникавшем в кухню из окошка. Чёртово клеймо! Теперь всё время будет чесаться?

А потом я услышала звук, который разорвал мне сердце. Как будто младенец плакал...

Глава 5. И бог создал сковородку!

Поднявшись с тюфяка, я осторожно направилась к двери. Открыла её потихонечку, чтобы не скрипеть несмазанными петлями, и выглянула в коридорчик. Нет, это никакой не младенец. Очень похоже на котёнка! Потерялся где-то, маленький, плачет, мамку ищет...

Котят я всегда любила больше, чем детей. Поэтому безо всяких размышлений двинулась на писк беззащитного существа, которое где-то в ночи, одно, напуганное и голодное.

Из коридорчика я попала в другую кухню. Она оказалась больше и чище, чем людская, где я проработала день. Ещё один очаг, но чуть поменьше и гораздо красивее. Столы выскоблены добела. Вместо чугунных горшков – медные кастрюльки. Это наверняка кухня для придворных. Интересно, что же в королевской кухне? Фарфор и серебро с золотом?

А, пофиг! Котёнок всё ближе. Где ты спрятался, маленький?

– Кис-кис, – позвала я шёпотом. Эхо отразилось от стен, и я поёжилась. Никого нигде нет, пусто, холодно...

Из придворной кухни выходило две двери. Внимательно прислушиваясь, я прошлась от одной к другой. А котёнок, как назло, замолчал. И что теперь? Куда? Налево или направо? И вот где теперь искры, когда мне нужна подсказка? Не для себя же стараюсь, для беззащитного существа!

– Кс-кс-кс, кисонька, где ты? – снова позвала я, напряжённо прислушиваясь. И уловила шорохи за правой дверью. Радостно сунулась в неё, осторожно заглянула в помещение. Это не кухня, а что-то наподобие – нет большой печи, только маленький очаг посредине комнаты с чем-то похожим на вытяжку сверху. А вокруг составленные вместе столы, на которых странные приборы, весы, чашки, чашечки, блюдца и ложечки. А ещё турки! Турки, боже господи! Какое счастье, это же кофейная!

Сейчас бы чашечку кофе...

– Что ты здесь забыла, девка?!

Я аж подпрыгнула от неожиданности и схватилась за сердце. Тёмная тень выступила из-за угла, а тоненький писк взрзал воздух между нами. Парень не старше меня по виду, одетый в камзол и панталоны до колена на чулках, держал маленького серого котёнка за шкурку. А тот трепыхался в воздухе, растопыривая лапы, и мяукал, жалобно разевая крохотную пасть. Выглядело всё не слишком нежно.

– Отпусти котёнка, урод! – потребовала я с налёта.

Парень поднял брови и усмехнулся:

– Ты... требуешь? Ты, чернь? Сейчас я позову охрану, и ты попадёшь в казематы, дура!

– Котёнка отпусти! – я решила не поддаваться на провокацию и гнуть свою линию. Тоже мне, принц нашёлся! Охрану он позовёт, говнюк! Побоялся девушки! Тьфу...

– Я хотел окунуть его в горячий шоколад, – фыркнул па-

рень, приближаясь. – Но теперь, думаю, я окуну в шоколад тебя!

Отбросив маленькое серое тельце на пол, он шагнул ко мне. Я отступила. Он сделал ещё шаг. Я упёрлась задом в стол. В спину мне ткнулось что-то твёрдое. А взгляд парня – острый, издевающийся, высокомерный – как кинжалом, проткнул мои глаза. Руки потянулись к моей шее. Мамочки... Он меня сейчас удавит! Я и забыла, в какой мир попала! Женский пол тут ниже какашки!

– Или что-нибудь другое сделаю, – рот парня растянулся в противной улыбке от уха до уха, а рука схватила меня за плечо. Но меня трогать без моего согласия опасно – особенно, когда нет свидетелей, а помещение полно всякой кухонной утвари. Боже, спасибо за то, что создал во всех мирах кухонную утварь!

Ручка сковороды – плоской и широкой – удобно легла в мою ладонь, и я с силой ударила парня по голове.

Раздался глухой звон, будто кто-то пнул китайский гонг тяжёлым берцем.

Парень с секунду смотрел на меня изумлённо, а потом закрыл глаза и медленно, картинно рухнул на пол.

Я перевела взгляд с него на сковородку и кивнула удовлетворительно:

– Хорошая вещь.

Крохотные коготки вцепились в мою юбку, и котёнок неловко, но быстро вскарабкался прямо мне в руки. Он был

такой маленький, такой напряжённый – просто комок жил и нервов! Между нами словно проскочила искра, но на этот раз не магическая, а самая настоящая, какая бывает между человеком и животным. Имя ей – безусловная любовь с первого взгляда...

– Киса, – шепнула я, проводя ладонью по голове котёнка, по шее, тощенькому тельцу. Коты лечат. И этот меня сразу исцелил от гнева и обиды. Этот мир имеет право на жизнь, если в нём водятся такие зверюшки!

На котёнке висели остатки разорванной шлейки из бисера, а такой же поводок болтался до пола. Я аккуратно стащила шлейку и бросила её на пол. Не надо нам никакой сбруи, кот привязан к дому и не захочет убежать оттуда, где ему хорошо.

– Киса, ты кисуня или котик? – спросила я, глядя в яркие зелёные глазища. Малыш крутанул головой, отираясь о моё платье, и вдруг заурчал, затарахтел – громогласно и довольно. Ах ты, маленький! Задохнувшись от нежности, я прижала котёнка к себе, уложив в сгиб локтя, и принялась гладить, почёсывать, тискать. Обожаю кошек, обожаю!

С пола раздался тихий стон.

О, да мы не одни, я и забыла... Стонет, значит, жив. А мне неинтересен! Положив сковородку на прежнее место, я наклонилась над парнем. Жалко было бы убивать, в тюрьму не хочу. Нет, всё с ним будет в порядке. Может, даже мозги встанут на место! Хотя вряд ли... С такими, как он, ничего

не работает.

– Пусть полежит и подумает над своим поведением, да, Кисуня? – спросила я вполголоса у малыша. Тот заурчал ещё громче, бодая треугольной головёнкой мою руку – гладь, мол, чего остановилась?

Я погладила. И улыбнулась – заберу его с собой. Нечего котёнку болтаться между таких жестоких людей.

Выйдя из кофейной, вернулась по своим следам обратно в людскую кухню и улеглась под покрывало, устроив котёнка на груди. Теперь уж мне точно приснится хороший сон, с таким-то охранником!

Но нет.

Как назло, если захочешь чего-нибудь хорошего, судьба обязательно напомнит тебе, что свой лимит ты уже выбрала раньше.

Утро началось с шухера.

Сначала кухню обыскали, бесцеремонно сбросив меня с тюфяка и выбросив его во двор. Пошуровали даже в печи, которую не успели разжечь. Всех – даже девиц с придворной кухни – согнали к нам, выстроили в рядок. Мелла даже пробежалась, проверяя чистоту передников и прямоту линии, по которой стояли девицы. Меня запихнула в угол с моим дырявым фартуком, за что я была ей страшно благодарна. А потом шикнула на тех, кто принялся обсуждать это странное явление.

И появился тот, ради кого устроили светопреставление.

Сказать нечего, мужчина представительный. У нас олигархи такие – важные, надутые, гордые собственным чувством значимости. Не то чтобы я видела много олигархов, но на фотках они именно такие. А у этого ещё и усы – знатные, сталинские! Высокая белая шапка на голове, отчасти напомнившая мне поварский колпак, а одет мужчина в светлый камзол с позументами, в штаны с чулками... Уж не главный ли кухарь перед нами собственной персоной?

Он прошёлся мимо ряда девиц, все как одна опустивших взгляды, смотрел пристально и тяжело, словно мог выявить непорядок рентгеном глаз. Остановился, заложив руки за спину, покачался с носков на пятки и сказал веско:

– Во дворце совершена кража.

Шелест юбок, вздохи удивления пронесли по ряду девиц, а глаза кухаря цепко ловили реакцию.

– Пропала ценнейшая, уникальная священная диа королевы.

Я только брови подняла. Диа? Что это за фигня? Диадема, что ли?

– Извольте уяснить одну вещь. Диа единственная в своём роде, вы не сможете её продать! Поэтому лучшим способом облегчить свою участь будет чистосердечное и искреннее признание вины. Диу необходимо вернуть! Тогда смертная казнь виновной будет заменена на пожизненные работы в заведении на благо короны.

Девицы снова зашущукались, но, как я и предполагала, ни

одна не созналась в преступлении. Мне не в чем было сознаваться, потому что я даже не знала, что такое диа. Отпустили бы нас уже быстрее, завтракать пора, наверное, уже...

– Вы будете говорить или нет, паршивки? – повысил тон кухарь. – Вместе с дией была похищена сбруя из драгоценных камней, которая стоит больше, чем все вы здесь, вместе взятые, даже если бы я вас продал в самое дорогое заведение! Вы понимаете, о чём я говорю, тупые куры?

«Тупые куры» молчали. Сбруя... Лошадь, что ли, украли? И кто вообще делает сбрую из драгоценностей, чтобы потом плакать, что их стырили? Но навязчивая ассоциация лезла мне в мозг, маяча и не показываясь открыто. Сбруя, мать её... Лошадь... Диа...

Кошка!

Кисуня моя... На ней была шлейка из камушков! Я-то, дура, думала, бисер, а оно вон как... Драгоценные камни!

Есть только одна проблема. Кисуню я не тырила. Её украл парень, которого я стукнула сковородкой в кофейной. Я даже не знаю, кто он. И примет особо не разглядела. Разве что только искать его по шишке на лбу...

А, нет, две проблемы. Кисуня исчезла. Я её не нашла рядом, когда проснулась. Так что молчи, Ксюха, в тряпочку. Я не я, корова, то есть диа, не моя.

– Видит Вседержитель, я хотел вам помочь, – с горечью в голосе продолжил замолчавший было кухарь. – Но раз вы сами себе не хотите добра, Богиня с вами. Мелла! Пусть гвар-

дейцы обыщут дортуары кухонных девиц.

С глубоким поклоном старшая повариха бросилась к выходу. Я только плечами пожала. Арика оглянулась на меня, сделав большие глаза, и шепнула:

– Кого-то точно повесят...

Главный кухарь вышел, и девушки зашевелились. Со всех сторон началось негромкое обсуждение из ряда вон выходящего события. А мне было неинтересно. Одна мысль волновала – где Кисуня? Может, она сама вернётся к королеве? Хватит ли у котёнка ума не найти приключений на пушистый хвост?

Впрочем, Мелла быстро вернулась и начала раздавать подзатыльники, ворча, что мы сидим, сложа руки, и ничего не делаем. После подзатыльников она раздала список текущих заданий, и я не особо удивилась доставшимся мне ромбушкам. После ещё одного чана руки заломило, и Мелла велела нам с Арикой натаскать воды из фонтана во внутреннем дворике. Мне показалось, что моя подружка только этого и ждала, потому что потащила меня наружу с горячим шёпотом:

– Как раз посмотрим на церемонию отзыва! Калиса-коровница говорила, что это страсть как красиво!

– Что за церемония такая? – любопытно отозвалась я. Арика бросила деревянные бадейки у симпатичного фонтанчика, который красовался в центре вымощенного камнями внутреннего двора, и увлекла к стене дворца. Спрятавшись

за колоннадой, мы заглянули во второй двор. Не двор, а целая площадь. Вероятно, она использовалась для официальных церемоний, потому что была огромной, гулкой, с парадной лестницей во дворец, с огромным балконом, нависавшим над ней.

И тут я икнула.

Площадь была заполнена девушками.

Когда я говорю «заполнена», это означает – мы увидели толпу. Будто перед сценой собрались фанатки Крида, ожидая, когда же он начнёт петь. Невест было столько, что я обалдела. И мысленно порадовалась, что не стою в их окружении. Церемония отзыва... Не желаю никакой церемонии, не хочу ни на что отзываться. Мне и на кухне неплохо. Тепло, светло, мухи не кусают, да ещё и кормят.

Почему я здесь не видела ни одной мухи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.